

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-30-41](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-30-41)

СВЯТОЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ АГИОГРАФИИ)

Д. Б. Терешкина

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия
terdb@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается взгляд на соотношение «город – человек» на материале средневековой новгородской агиографии. Угодник, причисленный церковью к лику святых, в своей земной жизни являет пример «концентрированных» отношений личности и города как локуса и как сообщества его жителей. Эти отношения многомерны и могут быть представлены как противостояние и единение. Город – арена проявления человеческих страстей, а потому пребывание в нём становится испытанием. Подвижники удаляются в пустыню для возможности общения с Богом и самим собой, однако быть полностью внеположенными городу они не могут, вступают в многообразные связи с городским сообществом и его отдельными представителями, и противостояние зачастую оборачивается единением святого и города ещё при жизни подвижника. Город – Богом избранное и хранимое место, и моление за него как прообраз Горнего Иерусалима и за его жителей становится постоянным попечением святого. Сам святой после своего земного пути становится «вечным жителем» города, присутствуя в нём своими мощами, святынями, с ним связанными, самим именем, которому поклоняются горожане. Город, спасаемый молитвами праведников, становится сакральным пространством, организующим духовную жизнь его обитателей.

Ключевые слова: новгородская агиография, город, святой, сакрализация пространства, противостояние, единение, горний Иерусалим, прообраз.

Для цитирования:

Терешкина Д. Б. Святой в пространстве города (на материале памятников новгородской агиографии) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2022. № 2 (3). С. 30–41.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-30-41](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-30-41)

For citation:

Tereshkina D. Saint in the Space of the City (by the Monuments of Novgorod Hagiography). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2022. 2 (3). P. 30–41.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-30-41](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-30-41)

SAINT IN THE SPACE OF THE CITY (BASED ON THE MONUMENTS OF NOVGOROD HAGIOGRAPHY)

Darya Tereshkina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

terdb@mail.ru

Abstract. The article offers a look at the relationship *city–person* on the material of medieval Novgorod hagiography. The saint, canonized by the church, in his earthly life is an example of the *concentrated* relationship of the individual and the city as a locus and as a community of its inhabitants. These relationships are multidimensional and can be represented as confrontation and unity. The city is an arena for the manifestation of human passions, and therefore staying in it becomes a test. Ascetics retire to the desert to be able to communicate with God and their inner selves, but they cannot be completely outside the city, they enter into diverse relationships with the urban community and its individual representatives, and the confrontation often turns into the unity of the saint and the city during the life of the ascetic. The city is a God-chosen and preserved place, and prayer for it as a prototype of the Heavenly Jerusalem and for its inhabitants becomes the constant care of the saint. The saint himself, after his earthly journey, becomes an *eternal inhabitant* of the city, being present in it with his relics, shrines associated with him, the very name that the townspeople worship. The city, saved by the prayers of the righteous, becomes a sacred space that organizes the spiritual life of its inhabitants.

Keywords: Novgorod hagiography, city, saint, sacralisation of space, confrontation, unity, Heavenly Jerusalem, prototype.

Введение

Отношения города и человека, сложные и многомерные, стали предметом рефлексии в достаточно позднее время [Смирнов 2021]. В русской средневековой литературе, ещё далёкой от описания личности человека в том виде, в каком её представляет себе литература Нового времени, взаимодействие города и человека представлено лишь в виде исключительных случаев противопоставления князя городу, где князь правит, или, напротив, полного единения горожан со своим князем – например, в пору военных испытаний [Охотникова 1985; Первушин 2020]. В парадигму исключительных взаимоотношений человека с городом вписывается и агиографическое изображение таких отношений.

Святой и город: противопоставление

Отношения «святой – город» разнятся в зависимости от типа жития и чина святости, по которому подвижник причислен к лику святых.

Преподобные (святые монахи) изначально внеположны городу именно как иноки, ищущие одиночества. Однако и они не могут существовать вне человеческого сообщества, ибо, по Евангелию, «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5: 14). Свет Христов через молитвы подвижника не могут не быть

увидены миром, и горожане ищут встречи со святым, приходят и приезжают к нему – тем более, чем далее распространяется его слава. Так, в «Житии Варлаама Хутынского» реализован топос распространения славы о святом, описанный на материале общерусской агиографии [Руди 2006, 485–486]: «преславному слуху о нем (Варлааме – *Д. Т.*) повсюду, якоже неким легким крилом, протекшу, вси приходяху к нему» [Житие Варлаама Хутынского 1881, 10]. Преподобный постепенно – зачастую поневоле – включается в жизнь города, вынужден участвовать в городских событиях. Варлаам Хутынский, к которому в монастырь приходил архиепископ Антоний, иногда и сам, «яко послушливый раб», приходил к Антонию в город ради духовного окормления.

Наиболее подробно повествуется о взаимодействии святого и города как сообщества людей в известных чудесах Варлаама об осуждённых. Однажды, направляясь в город к архиепископу, Варлаам увидел новгородцев, собравшихся на Великом мосту по «городскому обычаю» вершить казнь над осуждёнными. Обычаю горожан пришлось потесниться перед волей святого, попросившего отдать ему осуждённого в монастырь, «да поработает в доме Святого Спаса на монастырскую потребу братии» [Житие Варлаама Хутынского 1881, 11]. Спасённый Варлаамом человек стал потом монахом и стяжал добродетель. В иной раз, идя по тому же мосту, Варлаам вновь увидел толпу новгородцев, намеревавшихся осуществить казнь над осуждённым по «градцкому обычаю» [Житие Варлаама Хутынского 1881, 11]. Несмотря на уговоры сродников осуждённого и народа, знавшего, что осуждён человек напрасно, Варлаам не спас его, проехав мимо и не взглянув на народ. На недоумённые вопросы старцев, бывших с ним и видевших всё происходящее, Варлаам ответил, что видят они внешними очами, а не внутренними: если первому, за дело осуждённого, человеку нужен был на этой земле молитвенник и помощник в спасении души, то второй, погибая мученической напрасной смертью, имеет Христа помощником и избавителем. Парадоксальное в мирском представлении становится промыслительным в христианском понимании всего происходящего.

Организация святым городского пространства происходит прежде всего в плане просвещения его христианским учением. Подвиг преподобного отличается от подвига просветителя тем, что в случае с Новгородом святому не требовалось обращать язычников в христиан. Однако постоянное напоминание горожанам о необходимости жить по заповедям Христа и видеть Его в обычной жизни становилось делом служения угодника людям, его присутствия в их мирском существовании.

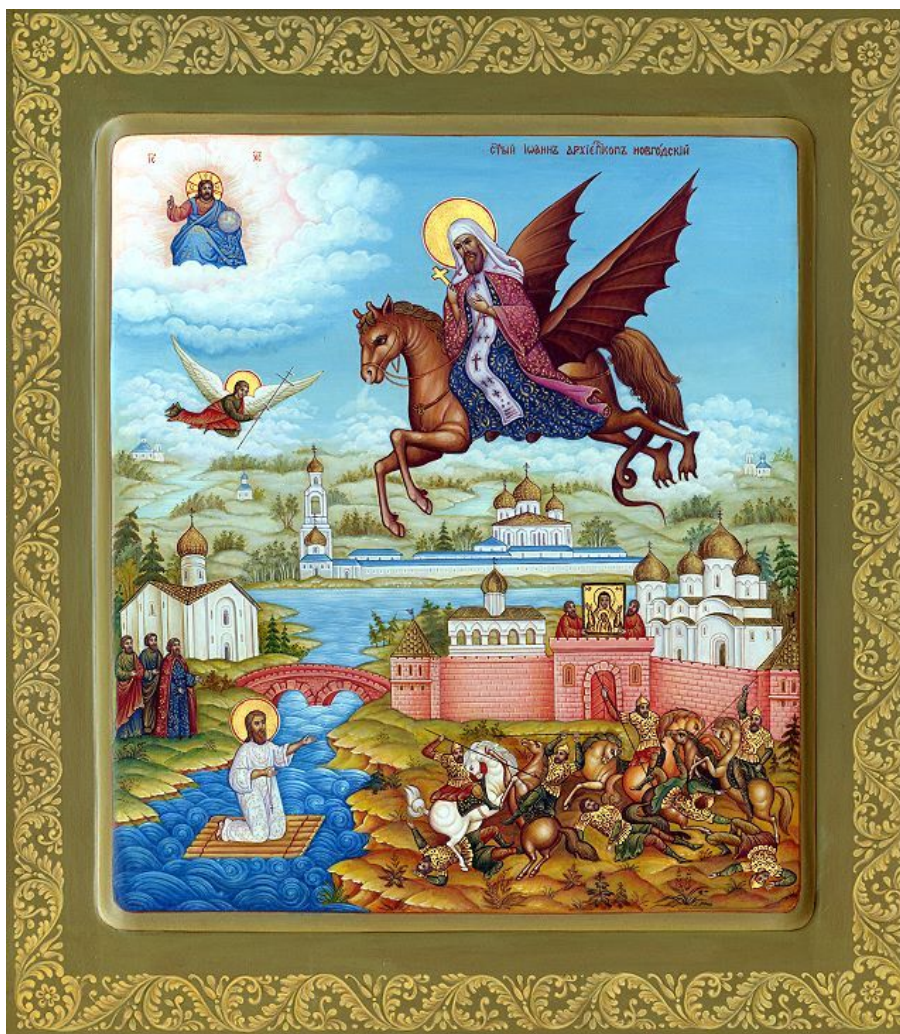
Служение епископа – верховного иерарха в той или иной земли Руси – ещё более было связано с городом. Епископ, будучи монахом, может оставаться в уединении лишь в молитве, в остальное время он – главный пастырь горожан, их исповедник, духовник, наставник и защитник. Он поневоле включён во все процессы жизни города и его жителей. Святой Иоанн Новгородский, которому было явлено видение во время осады Новгорода суздальцами в 1170 г., возглавляет процессию горожан на стену града с молитвой о защите города («Сказание о битве новгородцев с суздальцами» (ил. 1)) [Сказание 1999] – агиографический сю-

жет, ставший популярным иконографическим изображением, не только в новгородской традиции.

Ил. 1. Битва новгородцев с суздальцами. Новгородский государственный музей. XV в.
Источник: <https://yandex.ru/images/ruicon.ru>

Епископов почитают и беспрекословно подчиняются их воле. Но и здесь горожане скоры на суд, если зародилось подозрение в благочестии пастыря: архиепископ Иоанн был заподозрен в блуде (ему мстил бес, в образе коня свозивший Иоанна в Иерусалим поклониться гробу Господню (ил. 2) и запретивший Иоанну рассказывать об этом людям). По наваждению бесовскому, выходявшему из кельи Иоанна в виде женщины, изгнали горожане своего пастыря из Новгорода и были поруганы Господом, совершившим чудо возвращения Иоанна в Новгород и восстановления его честного имени: плот, на котором жители Новгорода решили отправить Иоанна из города, поплыл против течения [Повесть 1999].

Ил. 2. Икона «Житие Иоанна Новгородского». Новое время.

Источник: <https://www.pinterest.ru/pin/806707351986003126/>

Отношения горожан со святыми чрезвычайно многообразно. Юродивых гонят и насмеваются над ними. Николу Кочанова, которого вельможа новгородский звал на пир, гости изгоняют из дома, пока хозяина не было. Новгородские дети докучали всем юродствующим во Христе – Николу Кочанову, Феодору юродивому, Михаилу Клопскому, которого они осыпали мусором, Арсению юродивому, ветхие одежды которого они прибавляли гвоздями к мосту¹. К преподобным отношение было почтительное и несколько отстранённое – как того и требует монашеский сан. При этом святые словно транслируют городу и горожанам иную меру бытия – всем своим житием (и юродивые, и преподобные), а также чудесами, которые есть нарушение привычного хода вещей. Варлаам Хутынский однажды вернул к жизни, силой молитвы, единственного сына некоего новгородца, привезшего смертельно больного отрока к святому с последней надеждой. Не добравшись до кельи преподобного, отрок умер. Горю отца не было предела. Святой призвал его смиряться и идти готовить всё для погребения сына. Пока

¹ Тексты житий по спискам Новгородского музея опубликованы. См. [Терешкина 2006].

отец отлучился, Варлаам обратился к Господу всею силою веры с молитвой. По возвращении отец увидел отрока сидящим в келье преподобного, словно сын и не был больным, не то что не умирал. Однако Варлаам, предвидя общественное волнение после рассказа новгородца о воскрешении сына, строго запретил горожанину кому бы то ни было говорить о случившемся и представил дело так, будто отец ошибся, приняв остановку дыхания у сына за смерть. Однако сметливого новгородца провести было трудно, и он узрел истинное, великое чудо, свершившееся с его сыном по воле Бога через Его угодника, «молчати же чудо не можаше, проповедати же не смеяше, но тако умом дивяся неизреченному чудеси» [Житие Варлаама Хутынского 1881, 18].

Город как собрание горожан, как единое целое может сам стать судией неправомерно поступающему члену своего сообщества. Осуждению города подвергся некий должник Исакий в «Житии Николы Кочанова»: у раки святого молился о помощи клирик Иоанн, рукописание которого оболгал Исакий, не желавший платить долг. По молитвам святого Николы Кочанова весь город восстал против должника-клеветника, и тот раскаялся в содеянном. Так, заручившись поддержкой святого (уже давно почившего), горожане становятся единым целым, не дающим свершиться несправедливости.

Один из наиболее известных памятников моления святого за город, жители которого не исполняют волю Бога, – «Видение пономарю Тарасию» (ил. 3), вначале существовавший в виде отдельного сказания (и самостоятельного иконного образа) [Видение пономаря Тарасия 1984], а затем вошедший в Распространённую редакцию Жития Варлаама Хутынского.

Ил. 3. Икона «Видение пономарю Тарасию». Новгород, XVII в.

Источник:

<https://arzasamas.academy/micro/ikona/18>

Хутынский пономарь Тарасий, молящийся в Преображенском храме в полночь (событие датировано 1505 годом), увидел святого Варлаама, основателя монастыря, молящегося за Новгород. Варлаам предсказал Новгороду великие испытания, метафорически увиденные Тарасием с самого верха церкви св. Спаса. Переключка текстов (причём написанных разными – изобразительными и словесными – средствами), их постоянная взаимосвязь как будто вторит «диалогу святых» (*communio sanctorum*), который есть специфический признак новгородской и общерусской агиографии. Город как освящённое место и как собрание горожан вымалливается святым, храним им и его сподвижниками.

Примечателен редчайший зафиксированный пример отражения агиографического образа святого и его отношений с горожанами в устной народной традиции новейшего времени (XX в.). В «Новгородском областном диалектном словаре» зафиксирована лексема «Прихоженье» с толкованием «церковный праздник Михаилу Клопскому – 6 июля и 12 февраля»² и иллюстративным материалом – устным рассказом информанта об этом празднике: «Прихоженье было тут на днях, шестого июля; ешшо Прихоженье есть зимой, четырнадцатого февраля. Ведь Клопский-то два раза к нам приходил, не ладилось что-то с народом, невзлюбили его, он и ушёл, а потом вернулся; видно, что-то тянуло его сюда» [Новгородский областной словарь 2010, 959]. Это вольный пересказ эпизодов Жития Михаила Клопского [Житие Михаила Клопского 1958], повествующих о происходивших несколько раз внезапных исчезновениях святого из Клопского монастыря и неожиданных его появлениях в родных пределах. Однако из всего текста жития носителем из народа схвачен и сохранён в памяти ключевой аспект: противостояние юродивого людям, которым его образ жизни казался странным и непонятным. И при этом – неудержимое (и не объяснимое информантом, но принимаемое им как данность) желание угодника быть с людьми, т. е. там, где его служение наиболее угодно Богу. Противостояние святого и горожан и единение их в подвиге святого, описанном агиографической литературой, всегда дополняли друг друга.

Святой и город: единение

Город и горожане, несмотря на сложные отношения к святым, находятся под постоянным молитвенным надзором со стороны святых, ибо «благословением праведных возвышается город» [Книга притчей Соломоновых, 11:11]. Молится ночью в своей келье архиепископ Иоанн, днём неусыпно пекущийся о пастве. Днём, «похабов» из себя творя, подвергаясь поруганию и обидам со стороны горожан и их чад, юродивые Феодор, Никола ночью обходят все храмы и молятся за город и жителей его. «Днемъ ходя по торжищамъ и в улицах, юродство творя, нощию же мало сна приемля, но обходя святыя церкви, прилежно моля Господа Бога и Пресвятую Богородицу за градъ и живущыя въ немъ от нашествия иноплемен-

² Память Михаилу Клопскому празднуется 11 января и в третью неделю по Пятидесятнице.

ныхъ и междоусобныхъ брани, от глада же и огненного запаления» [Терешкина 2006, 88].

Однако город, если он живёт богоугодной жизнью, сам становится пристанищем святого и определяет место его подвига. Так случилось с Антонием Римлянином, бежавшим со своей родины и несомым быстринной водной в неведомые края. Пристал он к пригородам Новгорода, и был в страхе и смятении, куда привели его пути Господни. И когда услышал он колокольный звон и рассказ грека-купца о городе, его устройстве и благолепии его церквей, понял, что место это неслучайно даровано Богом. Приветливы были к приплывшему чужестранцу и сами новгородцы.

Святой не только находится с городом в разного рода земных и Божественных отношениях. Святой сам обустроивает город, делает его местом Господним на земле. Таковы храмоздательные подвиги Нифонта Новгородского, Евфимия Вяжицкого, Варлаама Хутынского, Феоктиста епископа, Иоанна Новгородского, за одно лето с помощью Божьей построившего со своим братом Григорием храм Благовещения в Аркажах [Повесть о Благовещенской церкви 1999].

Важной составляющей принадлежности святого городскому пространству и обществу становится родословная подвижника, зачастую тщательно им скрываемая. Новгородцами (нередко знатными) по происхождению являлись Михаил Клопский, Варлаам Хутынский, Евфимий Вяжицкий, Моисей Новгородский, Никола Кочанов, Феодор юродивый.

Примечательно, что город обретает святых из самых обычных рядов своих жителей. Таково сказание о девице Гликерии. Нетленные мощи неизвестной девицы были обнаружены при архимандрите Леониде 14 июля 1572 года спустя 50 лет после преставления угодницы, о которой, как о дочери старосты Пантелеймона Гликерии, вспомнила древняя старуха Анастасия. Ликовал весь Новгород об обретенной новой молитвеннице о городе и его жителях, звонили на Софийской звоннице «во вся тяжкая и великая била» [Терешкина 2006, 91].

Святые, кроме пророчеств и чудес, сами становятся символическим воплощением жителей своего города. Таковы Феодор юродивый и Никола Кочанов, каждый из которых подвизался, юродствуя, на своей «стороне» Новгорода (соответственно Торговой и Софийской) и враждой друг с другом олицетворявшие извечное противостояние новгородцев той и другой «сторон» города. Безумие такого разъединения и олицетворяли своим поведением «безумные» юродивые, лишь возвещавшие таким образом голос Божий о необходимости единства и мира среди горожан.

Важнейшим актом вечного присутствия святого в городе становится погребение угодника в пределах его подвига. Упокоены в Новгороде и хранят его своими нетленными мощами Никола Кочанов, Феодор юродивый; святым кольцом окружают Новгород основанные святыми монастыри и места упокоения Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Евфимия Вяжицкого, архиепископа Феоктиста.

Многочисленные посмертные чудеса и по преставлении святых продолжают являть их со-присутствие в городе и участие в жизни горожан, их способность вечно охранять город и его жителей.

Рассматривая концепт «город» на примере миниатюр Лицевого летописного свода (XVI в.), Е. А. Сертакова замечает: «Своим внешним и внутренним устройством, в котором прослеживаются принципы иерархии, город отсылает к прообразу – Небесному Иерусалиму, тем самым показывая определённую судьбу города, его миссию. <...> город стал обладать исключительным культурным значением, его природа воспринималась как властно-сакральная. Доминанты церквей и княжеских палат являются ключевыми элементами в композиции городского пространства. Это знаки исключительности места, в которых объединена божественная власть и княжеская сила» [Сертакова 2014]. Справедливо отмечая, что город становится местом, где вершится история, исследователь заключает: «Все ключевые решения исходят из города. Город занимает верхнюю позицию в иерархии территорий. А самое главное то, что именно городская культура воплощает в себе образ государства и эпохи, пространственно-временные характеристики проживающего в нём общества» [Сертакова 2014] и делает вывод о том, что в понимании концепта «город» «преобладает не индивидуальный взгляд, а «надындивидуальный», связанный с коллективным бессознательным русского народа. Это значит, что концепт «город» выступает одним из центральных в русской традиции» [Сертакова 2014].

Соглашаясь с приведёнными наблюдениями, сделаем вывод о том, что в изображении новгородской агиографической литературой святые в пространстве города выполняют свою основную роль: сакрализацию города, сохранение его в веках как Богоспасаемого места, прежде всего молитвой о духовной связи жителей города с Богом и исполнения ими воли Его.

Заключение

Осмысление города как концепта в древнерусской литературе и культуре в целом вряд ли можно считать получившим законченное оформление. Однако совокупность репрезентаций отношений города и человека в словесном и изобразительном искусстве позволяет сделать некоторые выводы о том, как это представлялось средневековому человеку.

Город, при всей его антиномичности (греховности и святости, богоизбранности), особенно город, освящённый Священной историей, является моделью, прообразом существования человека в Царствии Небесном, в котором, вероятнее всего, он не будет одним. Земной город становится средоточием человеческой культуры – в случае со средневековым культурой христианской, – противостоящей природному языческому миру, не освоенному человеком. Это освоение пространства происходит согласно двойственной человеческой природе. С одной стороны, город – это защищённое, укреплённое место, где человек находится в лоне хранящего его локуса (ср. новгородский «детинец» как «детское место», «чрево» города),

вместе с другими людьми создающее человеку пространство дома, уюта, безопасности, помощи, единения с другими жителями. Недаром поэтому святые, ищущие аскезы, уходят в пустыню – т. е. ненаселенное место, в котором мир враждебен человеку как несвойственное его обитанию пространство диких зверей, отсутствия возможностей пропитания, укрытия от природных стихий и т. д. и т. п. С другой стороны, город – арена для противостояния страстей человеческих, ибо только в сожительстве с другими людьми человек вынужден актуализировать неприродные свойства личности, выражающиеся в морали, религиозных регуляторах существования личности в обществе – наедине с самим собой и Богом эти свойства становятся нерелевантными, и именно поэтому все духовные силы личности в пустыне сосредоточены на молитве и созерцании себя как внутреннего человека. Однако после уединения и аскезы угодник вновь вынужден выйти к людям, вернуться в город как сообщество жителей: именно оно становится своего рода «проверкой» стяжания подвижником Духа Святого, проекции его на земную жизнь – иначе смысл в духовном делании становится мало значимым. Город – это пульсирующее живое целое, возвращение к которому, в преддверии воцарения в Горнем Иерусалиме, неизбежно, даже если в нём, как в пути Христа, святой находит свою гибель или, напротив, почитание и праведную смерть.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Видение пономаря Тарасия 1984 – Видение пономаря Тарасия // Памятники литературы Древней Руси. Кон. XV – 1 половина XVI в. М., 1984. С. 416–421.
- Житие Варлаама Хутынского 1881 – Житие Варлаама Хутынского в двух списках. ОЛДП. Вып. 41. СПб., 1881.
- Житие Михаила Клопского 1958 – Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текстов и ст. Л. А. Дмитриева. М., Л., 1958. С. 89–167.
- Новгородский областной словарь 2010 – Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников; [авт.-сост.: А. В. Клевцова и др.]. СПб., 2010.
- Охотникова 1985 – *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. СПб., 1985.
- Первушин 2020 – *Первушин М. В.* Несколько взглядов на одну жизнь: литературные образы князя Всеволода Псковского // Герменевтика древнерусской литературы. 2020. № 19. С. 507–525.
- Повесть 1999 – Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6 (XIV – середина XV в.). СПб., 1999. С. 450–459.
- Повесть о Благовещенской церкви 1999 – Повесть о Благовещенской церкви Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6 (XIV – середина XV в.). СПб., 1999. С. 460–463.
- Руди 2006 – *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2006. С. 431–500.

- Сертакова 2014 – *Сертакова Е. А.* Концепт «город» в русской культуре // *Человек и культура*. 2014. № 2. С. 97–126. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.2.12044. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12044 (дата обращения: 14.06.2022)
- Сказание 1999 – *Сказание о битве новгородцев с суздальцами* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6 (XIV – середина XV в.), СПб., 1999. С. 444–449.
- Смирнов 2021 – *Смирнов С. А.* Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // *Urbis et Orbis*. Микроистория и семиотика города. 2021. № 1. С. 12–36. DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>.
- Терешкина 2006 – *Терешкина Д. Б.* Новгородская житийная литература: Учебное пособие по спецкурсу. Великий Новгород, 2006.

REFERENCES

- Legend 1999 – The Legend of the Battle of the Novgorodians with the Suzdalians. *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 6 (XIV–mid XV century.). St. Petersburg, 1999. P. 444–449. In Russian.
- Novgorod Regional Dictionary 2010 – *Novgorod Regional Dictionary*. Ed. by A. N. Levichkin and S. A. Myznikov; [auth.-comp.: A. V. Klevtsova et al.]. St. Petersburg, 2010. In Russian.
- Okhotnikova 1985 – *Okhotnikova V. I.* The Tale of Dovmont: Research and Texts. St. Petersburg, 1985. In Russian.
- Pervushin 2020 – *Pervushin M. V.* Several Views on one Life: literary Images of Prince Vsevolod of Pskov. *Hermeneutics of Old Russian literature*. 2020. 19. P. 507–525. In Russian.
- Rudy 2006 – *Rudy T. R.* On the Composition and Topic of the Lives of the Venerable. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 57. St. Petersburg, 2006. P. 431–500. In Russian.
- Sertakova 2014 – *Sertakova E. A.* The Concept of City in Russian Culture. *Man and Culture*, 2014. 2. P. 97–126. DOI: 10.7256/2306-1618.2014.2.12044. In Russian.
- Smirnov 2021 – *Smirnov S.* A Person in the City and the City in a Person, or Once again about the Subject of Urban Anthropology (1). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 12–36. DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>. In Russian.
- Tereshkina 2006 – *Tereshkina D. B.* Novgorod Hagiographic Literature: A Textbook for a special Course. Veliky Novgorod, 2006. In Russian.
- The Life of Mikhail Klopsky 1958 – *Stories about the Life of Mikhail Klopsky*. Prep. texts and art. L. A. Dmitrieva. M., L., 1958. P. 89–167. In Russian.
- The Life of Varlaam Khutynsky 1881 – *The Life of Varlaam Khutynsky in two Copies*. OLDP. Issue 41. St. Petersburg, 1881. In Russian.

- The Story of the Annunciation Church 1999 – The Story of the Annunciation Church Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 6 (XIV–mid. XV century). St. Petersburg, 1999. P. 460–463. In Russian.
- The Vision of the Sexton Tarasius 1984 – The Vision of the Sexton Tarasius. *Monuments of literature of Ancient Russia*. End XV– 1 half of the XVI century. Moscow, 1984. P. 416–421. In Russian.
- The Tale 1999 – The Tale of the Journey of John of Novgorod on the Devil. *Library of Literature of Ancient Russia*. Vol. 6 (XIV–mid XV century). St. Petersburg, 1999. P. 450–459. In Russian.

Материал поступил в редакцию 24.09.2022
принят к публикации 19.10.2022